

— Старший господин!

Донесся окрик Юнь Чжоу, и Се Вэньцзюнь только тогда пришел в себя.

Оказалось, что этот парень и Ван Бо вместе с основными силами прождали его у подножья горы всю ночь, и у обоих глаза покраснели от бессонницы.

В сердце Се Вэньцзюня невольно шевельнулось подобие трогательного чувства. Изначально он не воспринимал Юнь Чжоу как своего человека, но никак не ожидал, что тот, увидев его, расплачется от избытка чувств.

Стоило ему подняться в убогую карету собственного клана, как он увидел, что Третий принц сопровождает повозку Ли Чжэнь, которая неспешно двигалась в сторону императорского города.

Не успел он устроиться поудобнее, как Нянька Линь спустилась с той самой повозки и направилась прямо к нему.

Она с поклоном протянула коробку с едой.

— Молодой господин Се, благодарю вас за спасение нашей высоты. Когда мы вернемся в Цзинду, эта старуха велела отправить в поместье Се щедрые дары.

С этими словами она слегка присела в реверансе и тут же удалилась.

Юнь Чжоу открыл коробку и, глядя на лежавшие внутри изысканные сладости, так загляделся, что у него потекли слюнки.

Се Вэньцзюнь взял один кусочек, а остальное разделил между кучером Ван Бо и Юнь Чжоу.

Он прислонился к стенке повозки и закрыл глаза, погружаясь в дремоту.

Хотя пирожные в коробке были хороши, он столько всего вытерпел вовсе не ради пары сладостей.

Он приоткрыл глаза, бросив взгляд на удаляющийся кортеж великой принцессы, и ощутил легчайшие потоки элемента ветра.

Нет, всё равно нужно найти возможность выпросить нефритовых цикад!

По возвращении в Цзинду Ли Чжэнь тут же отвезли в резиденцию великой принцессы, а Се

Вэньцзюня, не дав ему вымолвить и слова, оттеснили на самую периферию толпы, вынужденно проводив с почестями.

На самом деле, он бы с удовольствием воспользовался моментом и поселился в резиденции великой принцессы под благовидным предлогом лечения ран, а на деле — чтобы подпитываться элементом ветра.

Но, в конце концов, он был посторонним мужчиной: даже если бы ему было плевать на сплетни, Ли Чжэнь ни за что бы на это не согласилась.

Нельзя было действовать сгоряча и напрасно нарываться на немилость, поэтому ему оставалось лишь повернуться и подняться в семейную карету.

Отсутствие дома всю ночь все же привлекло внимание наложницы Ли и госпожи-старухи.

Едва Се Вэньцзюнь переступил порог своего двора, как его тут же вызвали на допрос.

Госпожа-старуха восседала на возвышении, а четки в ее руках крутились на треть быстрее обычного; она принялась расспрашивать, где он пропал и с кем находился.

Се Вэньцзюнь небрежно соврал, будто ходил молиться в храм за пределами города. Поверила старая госпожа или нет, было неизвестно — она лишь долго вглядывалась в него, а в завершение бросила фразу о трехдневном домашнем аресте без права покидать поместье и отпустила его.

Наложница Ли стояла поодаль от госпожи-старухи и, на редкость не добавляя масла в огонь, лишь прикрыла уголки рта шелковым платком и бросила на него загадочный взгляд с полуулыбкой.

Се Вэньцзюнь не собирался ломать голову над ее замыслами.

В любом случае, той толики энергии, которую он собрал на Лишане, с лихвой хватит на несколько дней; раз уж посадили под домашний арест, так тому и быть — как раз отдохнет и наберется сил.

Кто бы мог подумать, что на второй день ареста Нянька Линь лично явится к ним на порог.

Четверо стражников внесли в парадный зал поместья Се два больших красных деревянных сундука, украшенных резными узорами из облаков и символов руи, в которых с первого взгляда угадывалась работа далеко не простых мастеров.

Услышав об этом, наложница Ли в спешке прибежала туда, думая, что из резиденции великой

принцессы прислали какие-то улики для обвинения, и от страха побелела лицом.

Госпожа-старуха тоже встревожилась, и лишь когда Нянька Линь объяснила цель визита, она наконец с облегчением выдохнула.

Однако, как только напряжение спало, у каждого возникли собственные мысли.

Госпожа-старуха вновь принялась перебирать четки, неторопливо прокручивая бусину за бусиной — то ли читая про себя молитвы, то ли предаваясь тревогам.

Наложница Ли же с фальшивой улыбкой искривила губы и качнула подбородком в сторону стоявшей рядом служанки:

— Поди позови старшего молодого господина.

Се Вэньцзюнь, уплетавший в своей комнате жареную курицу, услышав вестника, сперва подумал, что к нему пожаловала сама Ли Чжэнь.

Он отложил куриные кости, вытер руки платком и, поправив воротник перед зеркалом из полированной бронзы, зашагал в главный зал.

Однако, оказавшись на месте, он обнаружил там лишь Няньку Линь и два громоздких сундука; желанных нефритовых цикад среди них не оказалось, из-за чего на сердце Се Вэньцзюня невольно закралось разочарование.

Но он быстро взял себя в руки, чинно подошел ближе и отвесил Няньке Линь почтительный поклон.

— Нянька Линь, прошу вас, передайте великой принцессе, что я не могу принять эти дары.

Услышав это, Нянька Линь на мгновение замерла, а затем почтительно произнесла:

— Молодой господин Се, это благодарность от ее высочества за то, что вы спасли ей жизнь. Если вы не возьмете их, старухе придется тяжело перед ней отчитываться!

Она бросила взгляд на стоявших рядом стражников, велела открыть сундуки и продолжила:

— Посмотрите, здесь и женьшень, и панты марала, и линчжи, а эти два сундука доверху наполнены золотом — все это ее высочество жалует вам, молодой господин Се.

На самом деле Нянька Линь прекрасно осознавала положение Се Вэньцзюня.

Старший законный сын резиденции князя Чжэньнань, чья мать скончалась рано, отец пребывает далеко на границе, в самом поместье он нелюбим, да к тому же слабо здоров.

В Цзинду все это не было большим секретом, и в душе она искренне испытывала некоторую благодарность к этому молодому господину Се — ведь ее госпожа вернулась живой исключительно благодаря ему.

Поэтому к сбору благодарственных даров в этот раз она подошла с особым усердием, отбирая лишь то, что действительно могло пригодиться в деле.

Разумеется, такова была и воля самой принцессы.

Однако Нянька Линь не ведала одного: стоявший перед ней Се Вэньцзюнь уже не был прежним Се Вэньцзюнем.

— Нянька Линь, лучше заберите вещи обратно! Я действительно не могу их принять. Я найду возможность лично объясниться с ее высочеством и уж точно не поставлю вас в неловкое положение.

Взгляд Се Вэньцзюня скользнул по двум сундукам с золотом, и слова, шедшие вразрез с его истинными желаниями, сорвались с губ.

Неужели эта Ли Чжэнь пытается сбежать от долгов?

Он еще даже не заикнулся о нефритовых цикадах, а она уже хочет заткнуть ему рот подарками; если он сейчас всё примет, то как потом заводить разговор?

Заметив его непоколебимую решимость, Нянька Линь прониклась к нему еще большим уважением.

Этот молодой господин Се и впрямь отличается от тех, кто только и норовит присосаться к императорской семье.

Не имея возможности настаивать дальше, она была вынуждена с поклоном отступить и приказать слугам выкатить сундуки во двор.

Сидевшая поодаль госпожа-старуха от начала до конца хранила молчание, лишь ее четки крутились еще быстрее, а губы беззвучно шептали буддийские мантра-молитвы.

Их клан Се держал в руках военную мощь и наряду с резиденциями князей Цзинси, Пиншо, Фуюань и Аньнань именовался Пятью оплотами государства, каждый из которых охранял собственные уделы.

Если род Се и остался в столице, то, говоря прямо, лишь на положении заложников, и они ни капли не могли сравниться с вольготной жизнью прочих удельных князей в их владениях.

И всё это было следствием семейных заветов рода Се: потомкам строго запрещалось покидать Цзинду, коль скоро они не связали свою жизнь с армией.

Поэтому для клана Се действовало правило: чем дальше от интриг за императорскую власть, тем лучше.

Теперь же, когда Се Вэньцзюнь так сблизился с великой принцессой, госпоже-старухе казалось, что четок в ее руках уже не хватает для успокоения.

Наложница Ли же видела всё иначе.

Стоя за спиной госпожи-старухи и наблюдая, как Се Вэньцзюнь отталкивает два сундука с золотом, она не только не испытала ни капли уважения, но лишь преисполнилась еще большего недовольства.

Этот болезненный слабак — сущая помеха.

Мало того что он вечно сидит взаперти и валится с ног от малейшего ветерка, так он еще смеет оспаривать у ее сына титул наследника и при этом умудрился завязать связи с самой великой принцессей.

Раз уж он отказался от золота, то чего же он добивается?

То, чего он хочет, наверняка куда ценнее золота.

При этой мысли наложница Ли судорожно сжала платок, мысленно подсчитывая, что по возвращении ей непременно нужно будет снова вразумить Вэньциня: нельзя позволять этому хворому забирать себе все лавры.

Се Вэньцзюнь совершенно не подозревал, что уже успел превратиться для наложницы Ли в кость в горле.

Передохнув несколько дней, он в этот момент развалился на мягкой тахте, словно у него совсем не было костей, и с аппетитом уплетал нарезанную кусочками жареную утку.

— Юнь Чжоу, разузнал?

— Старший господин, все узнал. Говорят, ее высочество полностью оправилась.

Юнь Чжоу на мгновение замялся и нерешительно добавил:

— Из-за этого происшествия Сын Небесного Престола пришел в ярость и сурово наказал нескольких продажных чиновников.

Услышав это, Се Вэньцзюнь воспрянул духом и отодвинул тарелку с уткой в сторону.

Раз Ли Чжэнь пошла на поправку, значит, самое время нанести ей визит.

Он бросил взгляд на залитый ярким солнцем двор: несколько служанок мели дорожки, и шелест метел по земле вперемешку с цикадным звоном создавал картину полнейшего умиротворения.

Он поднялся, подошел к бронзовому зеркалу, критически оглядел легкие тени под глазами и чуть бледноватый оттенок собственной кожи, после чего остался вполне доволен.

Переодевшись в свежее бирюзовое ханьфу и небрежно собрав волосы в пучок, он сел в карету, направляющуюся к резиденции великой принцессы.

<http://bllate.org/book/19347/1891977>